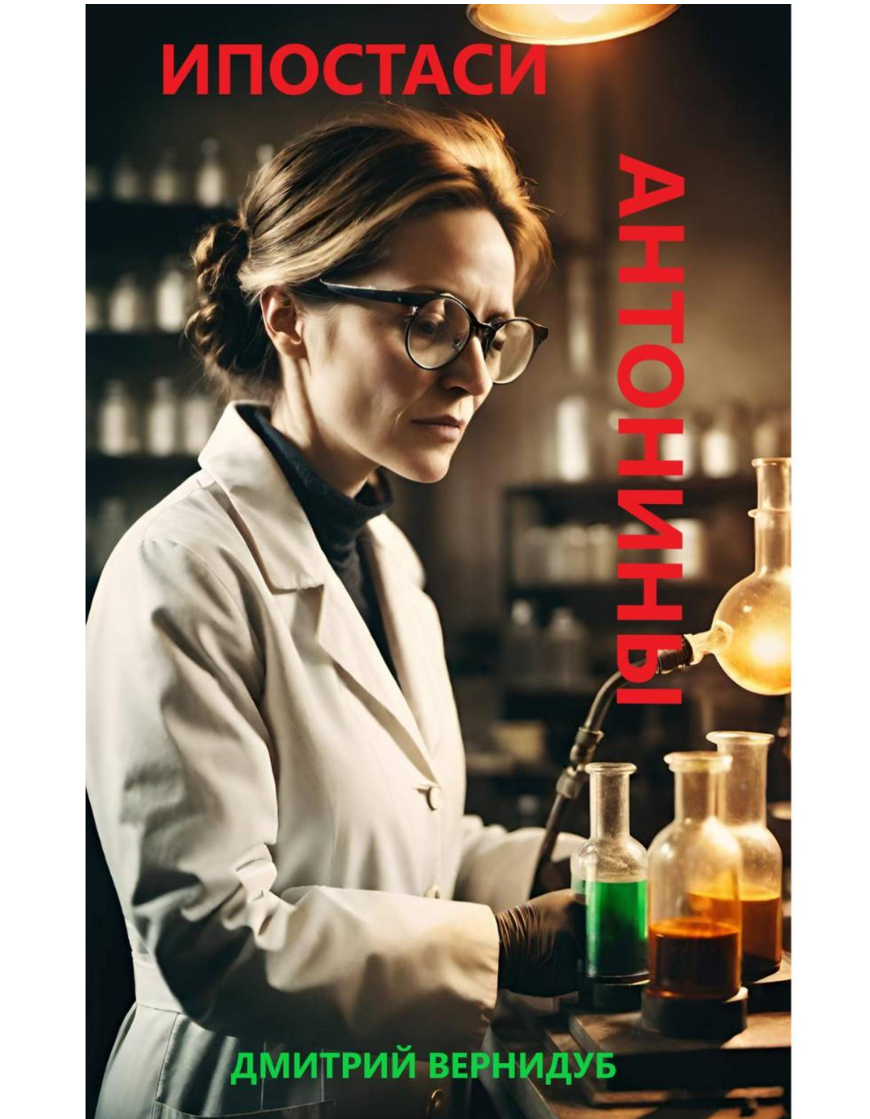

A woman with brown hair tied back, wearing glasses and a white lab coat over a dark turtleneck, is working in a laboratory. She is looking down at a piece of glassware. In the background, there are shelves with various bottles. A warm light source is visible at the top right.

ИПОСТАСИ

АНТОНИНЫ

ДМИТРИЙ ВЕРНИДУБ

Дмитрий Вернидуб

Ипостаси Антонины

<https://litres.ru/74621628>

SelfPub; 2026

Аннотация

ИПОСТАСИ АНТОНИНЫ

"Женщина, не пользующаяся духами - женщина без будущего".

Елена, моя внучка.

Мой прадед - Семён Никитин не был крепостным. Он служил псаломщиком и, стало быть, слыл грамотным человеком. Он выкупил крепостную девушку, ставшую его женой. Прадеда я не знала, а вот прабабушку хорошо помню. Она родилась в 1820 году, звали её Фёкла. Умерла она 106 лет "от старости", но в здравом рассудке. Ходила без палочки до самой смерти, не пользовалась очками, сама себя обслуживала. Когда родился я умер прадед я не знаю

Дмитрий Вернидуб

Ипостаси Антонины

ИПОСТАСИ АНТОНИНЫ

"Женщина, не пользующаяся духами - женщина без будущего".

Елена, моя внучка.

Мой прадед - Семён Никитин не был крепостным. Он служил псаломщиком и, стало быть, слыл грамотным человеком. Он выкупил крепостную девушку, ставшую его женой. Прадеда я не знала, а вот прабабушку хорошо помню. Она родилась в 1820 году, звали её Фёкла. Умерла она 106 лет "от старости", но в здравом рассудке. Ходила без палочки до самой смерти, не пользовалась очками, сама себя обслуживала. Когда родился и умер прадед я не знаю.

В семье Семёна и Фёклы было два сына, один из них мой дедушка Амвросий, а другой - его брат Леонид. Оба они служили на железной дороге. Амвросий работал железнодорожным мастером, Леонид - машинистом паровоза. Всю жизнь свою Амвросий провёл в Кантемировке (ст. ЮВЖД), а Леонид прошёл путь от кочегара до помощника машиниста на станции Мит-

рофановка, ныне станции Россошь.

Мою бабушку - жену деда Амвросия звали Матрёной. В их семье родились пятеро сыновей и одна дочь. Старшего, как и деда, называли Семёном. Это мой отец. Мои дяди - Борис и Василий также были железнодорожниками, а Фёдор, ушедший на Первую мировую войну лётчиком, погиб в 1916 году. Младший дядя - Иван затерялся в круговороте Гражданской войны. Моя тётя Лиза умерла 7 лет.

Мой отец окончил двухклассное училище. Начав в Кантемировке телеграфистом, он быстро продвигался по службе, а когда я уже начала себя помнить, работал дежурным по станции Грязи-Центральная.

Служащие железной дороги составляли особую социальную прослойку, находящуюся в центре событий. Таким был и мой отец.

Со стороны матери я знаю только дедушку и бабушку. Дедушка - Макаров Иван Иванович и его сестра Поля (Пелагея) в 17 лет остались без родителей. Пелагея Ивановна очень рано овдовела. У неё остались двое детей - Ваня и Маша. Они, кажется, были погодки и умерли в один год, когда им было 17 лет. Оставшись совсем одна, Пелагея Ивановна жила с семьёй брата. Семья проживала в селе Алпатьево Зарайского уезда Рязанской губернии. Они, наверное, были из государственных крестьян, но точно я не знаю. Иван

Иванович Макаров начал рабочим-путейцем, а через много лет стал дорожным мастером на станции Кантемировка. Я не знаю, где он учился. Иван Иванович женился на Пелагее Емельяновне Колоколовой, также уроженке села Алпатьево, закончившей церковно-приходскую школу. Помню, она до конца своих дней интересовалась космосом и всё ждала, кода же люди полетят на Луну или Марс. Газет Пелагея Емельяновна не могла читать, так как последние 9 лет своей жизни была слепая. Обе бабушки Поли умерли в первые годы после революции до 1930 года, так же, как и дедушка.

Иван Иванович Макаров, в своё время, занимал очень высокий пост и жалованье получал довольно большое - 75 рублей в месяц. Семья жила в хорошей квартире - отдельный дом стоял в саду с подстриженными кустами и цветочными клумбами, за которыми ухаживал садовник. Кроме того, были дворник и кухарка, обслуживавшие семью.

В семье дедушки родились два сына и три дочери. Старший сын Виктор Иванович в 1898 году закончил в Москве высшие экономические курсы и всю жизнь проработал в конторе пути, начав в Белой Калитве, а потом в Новочеркасске, имел статус почётного железнодорожника и персонального пенсионера. Общий стаж его работы на железной дороге соста-

вил 67 лет. Умер он в 1953 году.

Второй сын Ивана Ивановича - Василий окончил реальное училище в Воронеже, немало прослужил на флоте, а потом работал в Майкопе главным инженером строительного треста. В 1935 году он окончил Высшие инженерные курсы при Новочеркасском индустриальном институте, а после работал в Новошахтинске главным инженером водоканала. Во время войны, за отказ сотрудничать с оккупантами по восстановлению канализации г.Шахты он был схвачен гестапо и переведён в ростовскую тюрьму. Расстрелян немцами в Ростове в 1942 году, похоронен в братской могиле, в сквере им. Кирова, что на ул. Горького.

Все три дочери - Александра, Варвара и Мария имели каждая свою судьбу. Младшая из дочерей - Мария, вышла замуж за сына Амвросия Семёновича - дорожного мастера. Его завали - Семён Никитин. Таким образом, мои родители - Семён Амвросиевич и Мария Ивановна Никитины.

Родители познакомились на одном из школьных вечеров в 1903 году. Папа тогда работал дежурным по станции Кантемировка. Прямо сказать, не совсем завидная партия для дочери старшего дорожного мастера, но видимо парень "подавал надежды". В апреле 1907 года сыграли свадьбу.

Невеста получила большое приданое: жёсткую и

мягкую мебель, посуду, сундуки всякого добра и приличную сумму деньгами - 500 рублей. Так как мода тогда менялась не так стремительно, как сейчас, то одежды маме хватило, по крайней мере, лет на пятнадцать. Однако молодым не повезло. Во время дежурства отца произошло крушение поезда. Отец около двух лет расписывался в зарплатной ведомости, а деньги шли на выплату возмещений. Жили на приданое.

Моя мать и её сёстры не учились в гимназии. Окончив церковно-приходскую школу, они занимались самообразованием и, видимо, не без успеха. Самообразованию способствовали братья и всё окружение: строители, архитекторы, художники, постоянно бывавшие у них в доме. Старшая сестра Александра вышла замуж за Устина Мироновича Андреева, работавшего железнодорожным мастером и у них также родились три дочери - Антонина, Нина, Анастасия и сын Иван. Иван, после Великой Отечественной войны работал начальником Белорусской железной дороги, жил с семьёй в Минске. Об Анастасии ничего не знаю. Нина замуж не выходила, работала кассиром на станции Рузаевка, вышла на пенсию. Антонина рано овдовела и жила с дочерью. Другая мамина сестра - Варвара была очень талантливая девушка: пела и играла на скрипке, вышивала золотом и бисером по бархату.

На тётину руку и сердце претендовали многие, но её вкус не совпадал со вкусом бабушки. Так и не выйдя замуж, она уехала в Алпатьево, посвятив себя уходу за стариками. Затем, похоронив всех, в 1950 г. переехала в Новочеркасск к брату Виктору, надеясь дожить свой век с ним.

В семье родителей - 9 детей. Четверо умерли в младенческом возрасте, двое после Великой Отечественной войны, а трое дожили до старости, в том числе и я - третья дочь моих родителей.

Я родилась на железнодорожной станции Перелешино под Воронежем. Крестили меня в селе Аннино Усманского уезда Воронежской губернии 26 февраля 1911 года. Старшие сёстры - Лиза (1907 г.р.) и Нина (1909 г.р) уже учились в школе, а я училась вместе с ними. К 4-м годам я свободно читала.

И вот первое испытание. Папа в день моего рождения, лет в пять, привёл меня в лавку, где на ряду с игрушками продавали прекрасно изданные с картинками детские книжки. Продавец подал куклу и книжку. Папа сказал: "Выбирай или куклу, или книжку, что-нибудь одно. «Вместе нельзя, нет денег! ". Я долго колебалась и выбрала книгу. Ах, какая это была книга! На обложке была нарисована девочка в красном платочке и написан стишок:

**Я умница-разумница,
Меня знает вся улица:
Петух да курица,
Кот да кошка, дурак Ермошка,
Да я немножко.**

Стишок я сразу выучила, помню до сих пор. Так определился мой основной путь. Правда, я ещё долго играла в куклы, но и много читала, спрятавшись где-то между сундуком и шкафом. В нашей семье все любили читать. У нас были большие красивые книги: Пушкин А.С., в зелёном переплёте, с золотым теснением, Лермонтов М.Ю. в синем переплёте. Выписывали Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченко, был сборник Короленко, Киплинг, журналы "Нива" и "Родина". Мне читать никто не запрещал, и никто не направлял. Родителям было некогда.

В школу принимали с 8 лет, но это было ещё несколько.

1917 год, 12 марта. Пришёл папа домой возбуждённый, смеющийся, говорит маме: "Царя свергли!". Мама стоит с рогачом у русской печки: "Батюшки! Как же жить будем?", а сама смеётся.

И тут началось!

Жили мы в 2-х этажном 6-ти квартирном доме, стоявшем прямо у железнодорожной линии. Наша квар-

тира на 1-м этаже, средняя. В окно видно всё движение поездов. Битком набиты солдатами вагоны. Вагоны идут один за другим, шум, крик, иногда выстрелы. Эшелоны заняли все пути. Все требуют, чтобы именно их эшелон был отправлен раньше других. Папа говорит маме: "Не выпускай детей! Много бесчинств и беспорядка". И всё же я и сестра Нина ухитрились выскакать. Водонапорная колонка стоит прямо у железнодорожного пути. Надо ж принести домой воды! Многое видели...

Смотрим у колонки солдаты избивают священника. Это отец Николай. Он преподавал в школе Закон Божий, в которой училась сестра. Убили! Отца Николая убили!

Однажды утром встали и сразу к окну. Что такое? Нет ни одного состава. Все пути свободны и только стоят два товарных вагона. Мы перебежали пути. За нами какой-то забор. Пролезли через пролом, и вдруг! Перед нами жёлтое бесконечное поле. Рожь, а по краю - синие цветы - васильки. Первый раз вижу такое. Но страшно же! Мы пролезаем назад. Зачем-то бежим в здание вокзала. На лестнице солдаты избивают человека кирпичами. Это граф Вяземский, который не успел уехать. Это его два вагона стояли на пути. Имя графа было в Грязях, я помню парк.

Всё как в калейдоскопе. Бежим домой, рассказыва-

ем маме, Мама в ужасе.

Тревога её вообще не покидала всё это время. Как работать дежурному по движению?

Вернётся ли отец домой после смены? Его товарища Николаева солдаты убили прямо возле вагонов. Помню похороны, красное полотнище, сосновые ветки на дороге. Много, много людей.

Грязи - большая узловая станция. Отсюда идут ветки: Ростов-Москва, Харьков, Орел-Царицын.

Всё время идут какие-то части. Часто предупреждают: занавесьте окна, закройте двери - идёт эшелон пьяных. Всё бьют и грабят. То идёт Добровольческая армия, а то Антонов со своим войском. Они грабили склады, магазины, а население тащило то, что оставалось от разгрома.

Нас не выпускают. Да и зачем?

После пришли красные. Они проводят обыски и велят народу нести в отведённое для этого место то, что растащили после грабежей Антонова. К нам не приходили, у нас никто никого не грабил.

1919-1920 год. Папу перевели начальником полустанка Ярыженская. Это между Алексино и Поворино. Гражданская война. Мы снова как на переднем крае. Рядом с вокзалом казачья станица. На станции два коммуниста - папа и его помощник.

Маленькая церковь, а на дверях объявление "Смерть коммунистам! Всех перебьём!". Это объявление написано красным и синим карандашом. Как раз в этой церкви после и прошло собрание коммунистов. Сколько их было - не помню.

Отец поставил старшую дочь для наблюдения: "Что заметишь или услышишь - постучи". Я и Нина, прячась за кустом, решили охранять сестру. Всё кончилось вскоре благополучно, и мы пошли домой. Мама спрашивает, волнуется: "Где вы все всегда пропадаете?" Бедная мама! Если б она только знала...

Наша железнодорожная ветка на Царицын. Я и Нина лежим за и считаем бронепоезда, сколько идёт и в какую сторону. Пользы никому от этого нет, но нам всё надо. Вокруг станции всё тихо - здесь войны нет.

Год точно не помню, наверное, 1920-й. Папу перевели начальником станции Пухово. Это уже не полустанок, как Ярыженская, а станция, в одном пролёте от узловой - Лиски.

Гражданская война продолжается. Голод. На вокзале люди, масса людей. Больные, опухшие от голода. У мёртвого человека в сумке мёртвые мыши. Разговоры, разговоры. Ужас этот преследует. Мы ходили в поле рвать дикий чеснок и конский щавель. У забора рвали крапиву и лебеду. Мама из травы варила зелёную похлёбку.

Мы решили обеспечить себя продовольствием собственными силами: завели козлят, уток и гусей. Я не помню, как у нас разводилась другая птица, а вот гусака помню. От него мне крепко доставалось. Но страшнее гусака был кабан.

Уход за живностью поручили мне. Это произошло потому, что старшие сёстры уезжали учиться в Лиски. Для них была снята комната. Сразу отправить троих не было возможности. Сестер надо было обути и одеть, да ещё квартира. Я "ещё успею", так считали родители.

Мне уже 12-й год, и я главная помощница у мамы по хозяйству. Она "дирижирует", а я выполняю. А память уводит всё глубже и глубже... Однажды мама даёт пойло для кабана. Несу. Нужно открыть дверь в сарай и вылить из ведра в корыто, и чтобы кабан не помешал и не выскочил. Потом его трудно загнать обратно. Кабан, ожидая корм, визжит, беспокоится. Дверь открывается на меня. Он толкает и, как бешеный, вырывается, а я оказываюсь верхом на его широкой спине. Да ещё задом наперёд!

Кабан с визгом, а я с истошным криком мчимся через двор. Уж не помню, осталась ли в ведре похлёбка.

1921, 1922, 1923 годы. НЭП. Появилась лавка-вагон, начали привозить продуктовые пайки. Стала раз-

виваться потребительская кооперация. Жизнь потихоньку налаживалась.

Как-то в доме поселилась тревога. Болен Ленин. Телеграф приносит тревожные вести. Люди из деревень потянулись на станцию, ведь здесь можно узнать последние новости. Единственный коммунист на станции - папа. Были ли коммунисты рядом на хуторе или в селе Пухово, в трёх километрах на станции, не знаю.

И вот 21 января папа пришёл домой и плачет: "Умер!". Мама тоже плачет.

У вокзала стихийный митинг, собрались крестьяне. Выступает отец, он больше всех в курсе. Он плачет, крестьяне плачут. А от мороза лопаются брёвна, ведь на улице -27 градусов.

27 января гудят паровозные гудки. Долгие 7 минут. Я достаточно большая, отлично всё понимаю.

В 1924 году изменилась и моя жизнь. С 1 сентября я поеду в Лиски, в школу, буду пытаться поступать в 4 класс.

Начитанная, но совершенно безграмотная девочка привела в ужас учительницу Августу Ефимовну обилием орфографических ошибок в первом диктанте. Меня приняли условно в класс переростков. В программу вошла быстро. Всё наладилось.

В школу и из школы ездили пассажирским поездом, собралась довольно большая компания - дети желез-

нодорожников из Пухово и Мелогорья. Иногда, когда стало тепло, ездили и на тормозных площадках товарных поездов (по договорённости с кондукторами). Сколько было приключений!

На перегоне Лиски - Мелогорье поезд идёт в гору, мы прыгаем с площадки, нарвём фиалок, которых всегда было много на насыпи, а после начинается уклон. Мы опять забираемся на площадку. В это время нужно тормозить. Закручиваем так, что из-под колёс летят искры! Если бы об этом знала мама!

И вот опять переезд. Папу назначают начальником станции Кантемировка Ю.В.Ж.Д. Учиться теперь придётся в ж/д школе в Чертково. Станция Чертково расположена в точке соприкосновения трёх областей. Квартира, где я снимала угол, была в Донецкой области - по одну сторону вокзала, на базар приходилось ходить в Харьковскую область - по другую сторону, а школа и сама станция находились в Воронежской области. Вот такое "смещение языков и нравов".

Старшая сестра Лиза подала заявление в Воронежский техникум ж/д транспорта, но ей отказали, как дочери служащего. Раздосадованная, она поехала в Москву и добилась приёма у наркома путей сообщения Бубнова. Бубнов дал ей письмо в техникум: " ...в порядке исключения принять, так как просительни-

да из династии железнодорожников". В "порядке исключения"! Каково! Но не долго ей пришлось учиться в Воронеже.

26 ноября 1926 года отец попал под паровоз. Долго лежал в больнице, где хирург Олейников Тихон Александрович из кусочков собрал ему ногу и ампутировал кисть правой руки. Сестра пошла работать.

Беды на этом не закончились: в кармане брюк во время трагедии находились накладные на отправленное зерно, на сумму 1200 рублей. Ногу раздробило, накладные пропали. После выхода из больницы состоялся суд, и вот тут всё пошло с молотка. Из служебной квартиры нас выселили, мебель продали.

Живём в конце села, в жактовском домике. Жить стало труднее, мама болеет.

Меня определили в школьный интернат. Во время учёбы, в 6 и 7-м классах, я жила в комнате на 22 человека. Девочки были в возрасте от 9 до 18 лет! В пионеры меня приняли с шестимесячным кандидатским стажем. Торжественное обещание давали в клубе на сцене, играла музыка. Вскоре я стала вожатой звена. В школе избрали председателем учкома, а в 1927 году, в честь 10-летия Октябрьской революции, приняли в комсомол. Поручителями выступили два коммуниста: директор школы Ольга Александровна Орлова

и путевой обходчик - политкаторжанин, член партии с 1903 года - товарищ Ефремов. Начался новый этап моей жизни. Я - комсомолка! "Общественные интересы выше личных"!

Летние каникулы 1927 года я проводила в Кантемировке. Последнее лето с родителями. Райком комсомола дал задание: организовать пионерский отряд из беспризорников, которые ездили в угольных ящиках пассажирских поездов и гревшихся в железнодорожном депо. Все ребята отчаянные и грязные как кочегары. Я написала несколько объявлений с приглашением собраться в "красном уголке". Помню, как самой было страшно. Как примут? Да и придут ли, ведь народ больно свободолюбивый. Пришло 17 человек, возрастом от 12 до 15 лет.

Уж не помню, что и как я говорила, но несколько человек слушали с интересом. Обрисовала цели и задачи, стоящие перед создаваемым отрядом, потом выбрали старосту. Распределили первые поручения. Первое с чего начали - решили создать свою библиотеку. Большинство ребят оказались местными, поэтому книжки собрать было можно. Стал вопрос, кому поручить заведование "библиотечным фондом". Ребята говорили, что Вовка Шамрай - вор и всё украдёт, а Яшка Сивоклоков плохо читает, Жорка Агапов... так на него надежды мало, что будет книжки бе-

речь. А я тогда решила: пусть ответственным будет Шамрай, который "вор". Так надо же, ни одной книжки у нас не пропало!

Деповские рабочие с пониманием и интересом наблюдали за нашей деятельностью, чем могли помогали. Ко времени моего отъезда на учёбу в отряде было уже 42 человека. В райкоме сказали "ищи себе замену". Я позвала сестру Нину. Нина говорит: "Ты что с ума сошла, ведь я не пионерка!" "Это тебе наше поручение", - сказал секретарь райкома. Поручение надо выполнять.

Как-то, когда я зимой приехала уже из Новочеркасска, Нина проводила репетицию драмкружка в Красном уголке. Те ребята, которые были первопроходцами, были артистами. Все ходили в школу, а моя сестра, спустя несколько лет, стала учительницей. Наверное, мой пионерский отряд стал толчком к её педагогической деятельности. После некоторые бывшие пионеры писали ей письма.

В 1928 году я закончила школу-семилетку в Чертково. На семейном совете решили, что дальше я буду учиться и жить у брата моей мамы Макарова Виктора Ивановича, в Новочеркасске.

После Кантемировки и Чертково, Новочеркасск произвёл на меня ошеломляющее впечатление. Какие улицы, сколько цветов, аллеи тополей! А сколь-

ко клубов, в которых можно посмотреть кино! Помню их было семь: клуб Красной Армии, клуб завода им. Никольского, совпартслужащих, железнодорожников, пионеров, клуб авиаторов (2-й этаж Дома Красной Армии), а ещё в городском парке. А как всё вокруг ухожено, и цветы, цветы! Но надо готовиться к вступительным экзаменам. Я выбрала промышленно-экономический техникум. Было это в конце НЭПА (новая экономическая политика).

В техникуме конкурс: восемь человек на место. Принимают в две группы: бухгалтеров и экономистов. Подготовка у меня была, прямо сказать, слабая. Прилично я знала лишь русский язык и литературу, немецкий язык, да ещё обществоведение и географию. Думаю, ну как получится, так получится. Как говорится, храбрость от невежества.

Первый экзамен был по физике, принимал его доцент ДПИ Илья Фёдорович Перфильев. Спрашивает: "Сколько литров в кубическом метре?" Я отвечаю: "Какие же метры в литрах? Ведь метр - это мера длины, а литр - мера объёма!" Илья Фёдорович: "Я спрашиваю, в кубометре". Но мне это ни о чём не говорит. Всего было задано 7 вопросов. Против своей фамилии у преподавателя в ведомости вижу три плюса, три полуплюса и два минуса. Ну, думаю, это конец! Перед этим наслушалась всяких разговоров о том, что раз

большой конкурс, то нарочно будут запутывать абитуриентов.

Экзамен по обществоведению и географии принимали директор техникума Николай Александрович Коритко-Снетковский и студент Балашов. Снетковский чисто выбрит, Балашов же с бородой. Кто из них кто, я не знала. Захожу в учительскую спросить, когда будет экзамен. Сидит мужчина без бороды. Решила, что это и есть студент, поэтому не боюсь. Задаю вопрос, он отвечает, а потом: "Не боитесь? Страшно сдавать?" Я самоуверенно: "А чего бояться, если знаешь". Выходя, слышу: "Так-так".

И вот экзамен. Сдаёт Лида Рышкина. Она выходит, за ней следом тот, что "с бородой". Захожу. На стене географическая карта с полушариями, и я пристально их рассматриваю. Голос: "Что это Вы так карту разглядываете?" "Смотрю, правильно ли она висит". Безбородый удивлённо: «А как же ещё?» А я: «Может вверх ногами, чтобы узнать, разбираются ли абитуриенты!» «Ну и как, правильно?» «Правильно!» Экзаменатор задал несколько незначительных вопросов, потом спросил, что я знаю о чартистском движении в Англии. Выхожу, а Лида говорит: «Тебя сам директор спрашивал! Страшно было?» Я так и обмерла. Ну и ну!

Математику принимала Ольга Николаевна Волкова. Вопросы были лёгкие: уравнение с тремя неиз-

вестными, площадь ромба и задача на проценты. Считай, повезло!

По русскому и литературе писали сочинение на тему "Мой любимый герой". Я выбрала про Евгения Онегина, так как много из этой поэмы Пушкина знала на память. Литературный "дар" оценивал Гастев Константин Иванович, а правописание - Валентина Ивановна Чехова. Моя работа Константину Ивановичу понравилась, он её зачитывал в группе.

Десятилетие 1928-1938 гг. было настолько переполнено событиями, что их, в другое время, хватило бы на целую жизнь.

Итак, две группы новоиспечённых студентов приступили к занятиям. Первая лекция по физике. Читает курс И.Ф. Перфильев, начинает с метрической системы мер. Смотрит на меня: "А кто мне говорил, что вы мне голову морочите, какие литры в метрах? стыдоба!"

Что мы изучали:

Полетаев Иван Васильевич - коммерческая арифметика;

Роменский Николай Васильевич - товароведение;

Гастев К.Н. - литература;

Чехова В.И. - русский язык;

Толстая А.В. - история КПСС;

Яхонтов В.? - химия;

**Плаксин ? ? - бухгалтерия;
Назаров Г. ? - истмат и диамат;
Кравцов М.Н. - зерноведение.
Других преподавателей не помню.**

Меня вскоре выбрали членом комитета КСМ, несмотря на мизерный стаж. Я всегда была в центре событий. В это время всё больше ширилось движение по коллективизации сельского хозяйства страны, особенно на Северном Кавказе. В колхозы вступали не только семьями, но и целыми селениями. При обобществлении землепользования, рабочего и товарно-продуктового скота, сельхозмашин и построек было много злоупотреблений. Устав с/х артели, принятый 2 марта 1930 г., часто нарушался. Естественно, что это вызвало недовольство или даже активное сопротивление части крестьян, особенно середняков. В деревнях не хватало людей, которые могли бы объяснить народу причины допущенных ошибок и указать на пути их устранения. В марте 1930 года была опубликована статья Сталина "Головокружение от успехов" в которой разъяснялась политика партии в колхозном строительстве, подчёркивались принципы добровольности, обсуждались перегибы в организации колхозов и т.д. Я пишу об этом только потому, чтобы показать, какие задачи вставали перед колхозными кад-

рами. А их ещё нет, нужно было воспитать и подготовить.

Промышленно-экономический техникум (ПЭТ) оказался той базой, преобразовав которую должным образом, можно использовать для подготовки необходимых специалистов. ПЭТ переименовали сначала в "Колхозно-кооперативный техникум", а затем в "Техникум колхозного строительства".

В июне 1930 г. начал свою работу 16 съезд ВКП(б), на котором с особой остротой ставился вопрос о коллективизации и опять о кадрах, способных работать в деревне. Из двух групп, обучавшихся по применяемой ранее программе, выделили группу, состоявшую из членов партии и комсомольцев, преимущественно мужчин. И только двух девушек включили в неё - меня и Дрёмову Полину.

Было введено несколько новых дисциплин, а именно: организация производства, полеводство, статистика, изучение материалов съезда. Стали готовить инструкторов по организации труда в колхозе. Такую квалификацию получила и я. Материал был настолько обширный, что давались дополнительные учебные часы для его усвоения.

Как проходило обучение. Наша группа разделилась на две бригады. Я и Полина были в разных бригадах. Ребята смеялись: "для усмирения". Обучение шло по

Дальтон-плану (Новаторский метод учебной работы. Его разработала учительница и выпускница Колумбийского университета Хелен Паркхёрст (1886–1973). Собственно, название города Dalton — «Дальтон», в старой транскрипции и дало имя подходу). В нашей бригаде были и взрослые мужчины, и парни моего возраста, все политически подкованные. К занятиям готовились ответственно. Опрос шёл так. Преподаватель говорит: "Ну кто начнёт?" Все головы оборачиваются ко мне (наверное, из уважения к женщине?). Я начинаю излагать материал. Преподаватель в конце спрашивает, хочет ли кто-то что-то добавить. Добавляют. Зачёт ставят всем.

В начале июля 1930 года нас направляют на практику. Я еду в Терский округ, Ессентукский район, в колхоз "Пролетарская Воля", находящийся на хуторах Юца и Водопад. Хутора стоят в 18 км. от Пятигорска и в 30 км. от Ессентуков.

Я никогда не видела гор, настоящих Кавказских гор, и меня всё вокруг приводит в восторг. Но всё-таки беспокоит то, как примут в колхозе. Первый раз еду одна, работать самостоятельно. Мне уже 19 лет, вроде бы и не надо бояться, но всё же...

Приехала в Ессентуки утром, и сразу в районный земельный отдел. Там оказалась подвода из колхоза, и

меня привезли прямо к дому правления, стоящем на небольшой возвышенности. Поднимаюсь на крыльцо - открывается вид на горы, освещённые солнцем. Красота! Вхожу в здание с трепетом в душе. Там вижу бухгалтера, который говорит, что председатель где-то учится, а секретарь парткома уехал в Пятигорск на 3-х месячные курсы. Есть ещё полевод - Лысенко Пётр Степанович, но его пока нет.

Но вот приходит Лысенко - мужчина средних лет, объясняет мне, что он сейчас "один во всех лицах", а мне нужно помочь разобраться с жильём и питанием. Так как секретарь парткома Баласанов на курсах, то я могла бы пожить в его комнате. Мы идём к хозяйке, и она без разговоров отдала мне ключи от своего жилища. Территория Баласанова занимала половину дома. Одна большая комната совершенно пустая, ставни закрыты, вторая маленькая с одним окном, а в ней топчан, стол, стул и всё. На столе книги и на лежанке книги. Обустраиваю комнатку по своему усмотрению, стелю свою постель. И вдруг! Входит молодой красивый мужчина, армянин, выше среднего роста. "Давайте знакомиться. Баласанов Герасим Мартынович!" Я представилась, умирая от стыда, смущения и ещё не знаю чего. Мысли как молнии. Он, конечно, всё заметил, смотрит вроде и сурово, вроде и с усмешкой, говорит, что курсы перенесли на зиму. Что же мне

делать?! Наконец решилась, говорю: "Но тут же две комнаты, можно разместиться..."

"Можно-то можно, мне-то ничего, а что скажут о Вас, ведь это деревня! Я договорился с хозяйкой, она берёт Вас в комнату дочери. Сейчас лето, дочь в комнате почти не бывает. Я также договорился с женщиной у которой столуюсь - она не возражает. С Вами нас будет четверо, платим по 25 рублей с носа. Так что всё устроено, можно не волноваться". Дальше он стал расспрашивать о моих планах. И вот уже о секретаре парткома у меня сразу благоприятное впечатление. Везёт же некоторым, включая меня!

Напротив нашего дома был большой дом, в котором разместился сельсовет. Председатель Шаповалов - пожилой семейный человек. В здании сельсовета размещался также партком - штаб-квартира, где решались все дела. На всех собраниях и заседаниях я была непременным участником и как-то незаметно превратилась в технического секретаря парткома, будучи ещё комсомолкой.

Летом 1930 года во всей курортной зоне исчезла разменная монета. В моём распоряжении была линейка и кучер Женька - 16 летний парнишка, который пел баптистские псалмы, по-моему, бездумно. Мне приходилось часто бывать с Женькой в Ессентуках (в рай-

30) и в Пятигорске. Помню, в Пятигорске ничего нельзя было купить, если не имеешь денег под расчёт. Нет мелочи - сиди голодный.

Однажды к нам в колхоз приехала группа милиционеров. Три человека. Созвали экстренное секретное совещание. Нужно было в 3 часа ночи на хуторах колхоза провести обыск в ряде домов. Баласанов сказал, что я не буду участвовать в обыске, так как это очень опасно, но нужно передать поручение Чернову, который тоже с нами столовался. И вот мы с Евгением едем на хутор Юца, в двенадцатом часу ночи. Темно, хоть глаз выколи! Вдоль дороги стеной огромные деревья жёлтой алычи. Ягоды крупные, но нам не до них. Жутковато. Женька поёт: "А кто водку будет пить, тот в раю не будет жить!" Я ему: "Женя, тише! Надо же незаметно проехать, страшно же!" А он мне: "А если не петь, мне ещё страшнее".

Приехали. Чернов лежит на соломе с температурой, болен. Я заставляю его встать и пройтись. "Ты же не качаешься! Ничего, поедешь, один адрес проверить всего".

На обыск они отправились с милиционером и ещё с каким-то человеком. Вернулись часа через два, с арестованным, которого тут же увезли в Ессентуки. На чердаке нашли оклунок (небольшой мешок) с мелкой серебряной монетой.

На молочной ферме колхоза я была 20 дней. Научилась доить коров. Я выдаивала семь коров, а девчата за это же время успевали по двенадцать. Лаборатория тут же. Недалеко и приёмная молока, и отправка готовой продукции. Сметану и творог отправляли в санатории Пятигорска и Ессентуков.

Захожу как-то в зал, где стоят сепаратор и столы с творогом, и слышу, как рабочий говорит своему подручному, указывая на бочки со сметаной: "В эту два ведра воды, а в ту - три". Вливают водопроводную воду и размешивают. Я возмущена: «Что вы делаете? Зачем в сметану воду?». А они мне отвечают, что сметана очень густая, а нужно, чтобы жирность не больше 30% была. "Так ведь в санаторий сметана идёт!", - говорю. "А мы всегда так делаем...". Я подняла скандал, но не уверена, что в последствии что-то изменилось. При мне эту сметану в санаторий не послали, а потом? Контроль кончился, и всё.

Работая на ферме, я делала анализ молока, принимали не ниже 3,5% жирности, проверяла сепаратор. Чистота в помещениях всегда была идеальная, тут уж нечего сказать. Творог под белой марлей на столах выглядел аппетитно, но ничего попробовать даже не хотелось.

Запомнился один смешной момент. Подручный

мальчишка прыгает, меняя ноги, то на левой, то на правой. "Максим, ты что это так прыгаешь?" "Да вот, наступил пяткой на гвоздь, а какой ногой - понять не могу!"

Молочный комплекс находился в предгорье Бештау. Раньше там был мужской монастырь и его хозяйственные постройки. В общежитии, где жили монахи, теперь помещалась колония беспризорников. Колонисты держали бахчу и её охраняли. Однажды мне пришлось идти мимо группы из четырёх подростков, что-то варивших на костре. Я парней не сразу заметила. Чтобы не показывать виду, как их боюсь, решила сама подойти и спросила: "Не видели, где наше стадо?". Потом ещё о чём-то поговорили, я что-то похвалила и пошла дальше. Опыт общения с беспризорниками у меня уже был, в моём пионерском отряде. Потом девчата на ферме качали головой, дескать, ты поостерегись. И я там больше не ходила.

Наших коров пас пастух - очень старый человек, так мне тогда казалось. Как-то, будучи на пастбище, попросила его рассказать легенду про Машук и Бештау. Наша повариха говорила, что он знает.

"Жили два друга Казбек и Эльбрус. У Казбека была дочь Машук, у Эльбруса сын по имени Бештау. Молодые люди любили друг друга, а старики из-за этого стали ссориться. И так часто, что ссоры перерос-

ли в открытую вражду. Как-то дошло до вооружённой схватки. Казбек ударил Эльбруса по голове и разрубил его на две части. "Видишь у Эльбруса две головы? Казбек порубил!". Он разрубил на части и Бештау. "Видишь пять гор?" Когда Машук узнала о раненом Бештау, она побежала к нему, но на пути была бурная Кура. Она протянула к нему руки, но перейти Куру не смогла. "Видишь, как будто тянутся две руки от Машук к Бештау? От горя она умерла".

Сенокос. Наш участок под покос расположился высоко в горах. Соорудили несколько шалашей, покрытых не сеном, а свежей травой. Это было плохо, так как трава, когда находили облака, протекала. Я жила в одном шалаше с поварихой, немолодой и очень славной тётёй Пашей. Нас она вкусно кормила. Мне приходилось делать замеры, вычислять заработок, сгребать копны и т.д. К вечеру гора постепенно закрывалась облаками, к утру мы были как в молоке, постель и одежда пропитывались влагой. В двух шагах ничего не видно. Кусты вдруг встают какими-то странными силуэтами. Но вот туман постепенно рассеивается, выходит солнце, всё преображается, и горы выступают яркими красками. Виден весь снеговой хребет! А ещё меня поражало то, что буквально рядом, отделённые лишь узкой грязевой дорожкой, в пышной

траве растут цветы! Да какие цветы! Огромные, чуть не с блюдце, ярко-синие ромашки и голубые-голубые крупные незабудки. Меня удивляло и радовало, что я всё это вижу.

Однажды ночью меня и тётю Пашу разбудили топот, грохот и крики, громкие крики скачущих верхом людей. В чём дело? Уже слышны ответные крики, очевидно наших рабочих. Оказалось, в наш лагерь ворвались кабардинцы, которые хотели нас наказать за то, что мы, купив у них бычка, не зарезали его, согласно обычаю, а пристрелили. Они кричали: "Наша быка - не собака, её стрелять нельзя!" Как рабочие сумели с ними поладить, не знаю. Мы выползли из своего шалаша, когда всё стихло. Кабардинцы, а может карачаевцы, как налетели, так и исчезли.

Но вот сенокос закончился, и я опять в Водопаде. В августе к нам приехали трое, уполномоченные от райкома и милиции. Рассказали о поступивших сведениях: на хуторе Этока крестьяне ночью собираются вырезать скот, чтобы не сдавать в колхоз. Задача: спасти скотину и организовать коллективное хозяйство.

На экстренном совещании говорили о том, что мероприятие это опасное, так как хутор большой, растянут по ущелью на семь километров. Многие жители настроены отрицательно, может быть оказано сопротивление. Нужно проводить собрание, но хорошо бы

изолировать женщин, то есть с ними поговорить отдельно. Будет меньше крика.

Не только в нашей группе сельского актива, но даже в правлении колхоза не было ни одной женщины. Были на молочной ферме, да повариха тётя Паша. Из них для такой работы никто не подходил. И вот: "Тоня, придётся тебе ехать!" Собралась быстро, чтобы к вечеру прибыть на Этоку. От нашего колхоза выехали трое: Баласанов, я и Шаповалов. Шаповалов за кучера, с нами верховой милиционер. Мужчины, на всякий случай, спрятали оружие. Едем через бесконечное узкое ущелье. Милиционер говорит: "Вот если проедем благополучно Волчьи ворота - самое узкое место, то и хорошо!"

- А что здесь опасного? - спрашиваю я.

- Так ведь всё может быть. Камушек с верху упадёт, например. Наверное, ждут ведь уполномоченных...

Не скажу, чтобы от его слов я почувствовала себя уютно.

К вечеру приехали в сельсовет. Стали собирать людей. Женщин в какой-то избе, мужчин в сельсовете. Женщины заинтригованно говорят: "Почему-то нас отдельно собирают". Но идут.

Я стала рассказывать о нашем колхозе "Пролетарская Воля", как организована работа, питание в поле, уход за детьми. Последнее всех особенно заинте-

ресовало. Задавали много вопросов. Что будут обобществлять? Коров? Кур? Механизмы (а у кого они есть)? Одна, видимо самая грамотная женщина, говорит: "Да я то не против, Степан не хочет!" Другая её поддерживает: "Вот и детишки под присмотром, плохо ли?" И пошло. Зашумели.

Вскоре пришли ребята из сельсовета, зовут, чтобы все шли туда. Там такая же история: "Я то не против, да Мотя не хочет!" Баласанов, конечно, убедил мужиков. У него была необыкновенная сила убеждения. Мы пришли. Мужчины возбуждённо переговариваются: "Садись, пиши заявления!" И я писала, и за Степана, и за Матрёну. Грамотных было мало, так и прошла ночь. Утром собрались уезжать. Провожали нас доброжелательно, женщины звали меня приезжать к ним. Надолго ли осталась эта доброжелательность? По крайней мере, скот остался цел и заявления о вступлении в колхоз были составлены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.